

Ногти

Одним их важных обрядов было обрезание ногтей покойного. Делалось это для того, чтобы отсрочить конец света. Согласно представлениям скандинавов, в Хеле из ногтей мертвецов строился исполинский Нагльфар — адский корабль, который поплывет, когда наступит конец света. Желая отсрочить неприятное событие, люди как могли сокращали количество этого необычного строительного материала. Детальное описание скандинавского апокалипсиса — Рагнарека, нам дает Младшая Эдда:

«И тогда свершится великое событие: волк поглотит солнце, и люди почтут это за великую пагубу. Другой же волк похитит месяц, сотворив тем не меньшее зло. Звезды скроются с неба. И вслед за тем свершится вот что: задрожит вся земля и горы так, что деревья повалятся на землю, горы рухнут, и все цепи и оковы будут разорваны и разбиты. И вот Фенрир-Волк на свободе, и вот море хлынуло на сушу, ибо Мировой Змей поворотился в великанском гневе и лезет на берег. И вот поплыл корабль, что зовется Нагльфар. Он сделан из ногтей мертвецов. Потому-то не зря предостерегают, что всякий, кто умрет с неостриженными ногтями, прибавит материала для Нагльфара, а боги и люди желали бы, чтобы не был он скоро построен» [15].

Камень/кол

При захоронении обязательно обращали внимание на то, чтобы мертвец лежал ногам «от фермы» — то есть в направлении, противоположном людскому жилищу. Часто на грудь умершему помещали камень, порой настолько тяжелый, что он проламывал грудную клетку.

В «Саге о Гисли» описан редкий ритуал, в котором покойнику в могилу клали *helskor* — «башмаки Хель», чтобы тот мог отправиться в загробный мир:

«„Есть обычай обувать покойного в башмаки Хель, чтобы в них он вошел в Вальгаллу. Я сделаю это для Вестейна“. И, покончив с этим, он сказал: „Я не умею завязывать башмаков Хель, если эти развяжутся“

<...> Потом они приготавливают все к погребению и кладут Торгерима на корабль. Вот насыпают они курган по древнему обычаю, и осталось только закрыть его. Тогда Гисли идет к речному устью, берет там огромный, как скала, камень и взваливает его на корабль. Кажется, подалась под камнем каждая досочка, и корабль весь затрещал. Гисли сказал: „Я не умею ставить корабль, если этот унесет ветром“. И поговаривают, что это не так уж непохоже на то, что сделал с Вестейном Торгерим, когда говорил о башмаках Хель» [20].

Русский историк Елизавета Картамышева полагает, что «башмаком Хель» был кол, вбивавшийся в грудь мертвеца вместо камня.

Насыпь/стена

После того как покойник был зарыт, сверху помещалась *kumbldys* – каменистая насыпь или пирамида, а иногда даже строилась стена, которая должна была служить дополнительным препятствием. Нередко места для захоронения специально выбирали отдаленные и пустынные.

Другие предосторожности

Подобно славянам, скандинавы пытались сдержать покойника особым магическим условием. Распространенное убеждение, что мертвецы не любят незавершенных дел, побуждали живых при погребении оставлять иголку без ушка (расчет был на то, что мертвец не покинет могилы, пока не проденет нитку в иголку – невозможное дело с поврежденной иглой) или рассыпать льняное семя на дороге, ведущей от могилы к дому, предполагая, что умерший не сумеет собрать все зерна до одного.

Легенда о золотом кургане

Что касается сокровищ и оружия, за которым охотился Греттир и ему подобные, то христианские захоронения не могли похвастаться ничем, кроме наличия, собственно, самого покойника (в версии христианского Рая все мирское теряло всякую ценность).

Рис. 4. **Брунхильда. Рисунок Гастона Бюссьера.**

Музей Виктории и Альберта, 1898 год

Языческие могилы, напротив, представляли коммерческий интерес для всякого искателя кладов. Погребальные камеры в курганах или похоронные ладьи наполнялись с запасливым

Рис. 5. **Прощание Зигфрида.** Иллюстрация к «Кольцу Нибелунгов» Рихарда Вагнера, 1911 год

расчетом на то, что мертвецу все это непременно пригодится. Иногда клали не только предметы, но и животных, и даже человеческих спутников.

В Старшей Эдде безутешная Брюнхильд, собираясь последовать за своим мертвым возлюбленным Сигурдом, отдает такой приказ служанкам:

*«Украсьте костер коврами, щитами,
рабов положите и яркие ткани;
пусть рядом со мной сожжен будет конунг. <...>
Пять рабынь мы возьмем и слуг восьмерых высокого рода
с собой на костер,
рабынь, что выросли в доме отцовом...» [13]*

Можно было бы предположить, что материал Старшей Эдды приукрашивает реальность ради драматической образности, но археологические находки подтверждают практику заупокойных жертв у скандинавов.

Например, в 1904 году в Восточной Норвегии была найдена великолепная Осебергская ладья — дубовый корабль викингов. Несмотря на то что захоронение уже было разграблено в раннем Средневековье, корабль сохранил достаточно богатств, чтобы потомки могли оценить тщательность подготовки к загробной жизни.

Массивная ладья несла в *Послежизнь* ковры, перины, повозки и сани, шатры, домашний скарб, изящные безделушки для создания уюта, скелеты лошадей и быков, а еще — двух пассажиров, одна из которых, по-видимому была высокородной дамой, а вторая — ее несчастливой компаньонкой.

Что касается других погребений, то в «Языке поэзии» из Младшей Эдды есть не совсем ясная запись о «жертвенных деньгах» в кургане, которые насыпали слоями:

«Рассказывают, что конунг по имени Хельги — в честь его назван Хельгеланд — был отцом Торгерд Невесты Хельги. Им обоим поклоня-

Рис. 6. **Корабль викингов.** Юнас Ли. Музей Вестерхейма

лись, и курган Хельги был насыпан слоями: слой из золота и серебра – это были жертвенные деньги, – а слой из земли и камней» [27].

В средневековой «Саге об Олаве Святом», традиционно приписываемой Снорри Стурлусону, есть упоминание о *доле мертвеца* – то есть части богатств, которые остаются с человеком даже после смерти:

«Торир спросил, не хотят ли люди сойти на берег и добыть себе добра. Люди ответили, что это было бы желательно, если бы только добыча была легкой. Торир говорит, что добра можно будет добыть, если путешествие пройдет удачно, „но вполне возможно, что поездка окажется опасной для жизни“. Все сказали, что хотели бы присоединиться, если бы была надежда на богатую добычу. Торир говорит, что таков обычай, что, когда умирает богатый человек, [его] имущество должно быть поделено между умершим и его наследниками. Он должен получить половину или треть, а иногда – меньше. То имущество должно быть вынесено в лес, иногда – в курган, и присыпано землей» [25].

Прикладывание головы чудовища к ягодицам

Одним из самых загадочных, но тем не менее повторяющихся в сагах действий является прикладывание или возлагание на ягодицы головы убитого друга. В «Саге о Греттире» старик Кар был не единственным мертвецом, с которым приходилось сражаться герою. Победив другого друга, Глама, исландец проделывает те же манипуляции, что и в кургане Кара:

«Занес он теперь меч и срубил Гламу голову, и приложил ему к ляжкам» [21].

В еще одной истории, «Саге о Бардуре», герой Гест Бардарсон убивает мертвеца под холмом по имени Ракнарр и проделывает такой же трюк *«höfuð af Raknari ok lagði þat við þjó hoptit»* — укладывает голову на его зад.

Нет точного объяснения, почему именно голова, положенная на ягодицы или ляжки, считалась верным способом избавления от друга, но имеются теории. Исследователь Арман Якобсон, например, выдвигает версию о символической связи между адом и ягодицами, поскольку оба места считаются нечистым и источают смрад. По такой логике прикладывание головы к «смердному» месту означает процесс переправы души мертвеца в Преисподнюю, где и место адскому чудовищу.

На демоническую природу друга косвенно намекает зловоние, которое источает разрытый курган. В «Саге о Херде и островитянах» смрад из разрытой могилы настолько силен, что убивает несколько человек.

«На четвертый день разобрали они все бревна, а на пятый открыли двери. Херд всем велел остерегаться зловонного воздуха, выходящего из кургана, но сам стоял за дверью, когда зловоние было всего сильнее. Двое людей так и упали замертво от той вони, что выходила из кургана» [10].

Почему мертвецы сторожат сокровища?

Драуг — создание, обитающее на грани двумирия, оно не живо и не мертво. В этом и заключается сложность изгнания такого мертвеца.

Сам по себе не-мертвый, он отрицает правила существующей реальности и людских родовых законов, искажая при этом собственную природу. Так, окончив жизненный путь, Кар был должен лечь в землю, передав все нажитое своему сыну — Торфинну. Однако мертвый старик не желает этого делать.

Похожим образом себя ведет драуг из другой саги — «Саги о людях из Лососей долины». Там некий Храпп, находясь при смерти, требует, чтобы его похоронили в дверях собственного дома, чтобы он мог продолжить следить за своим добром. Жена подчиняется воле мужа, однако эта покорность не приносит ничего, кроме бед:

«Никогда я раньше не болел, поэтому мне кажется, что эта болезнь положит конец нашей совместной жизни. И когда я умру, то такова моя воля, чтобы мне вырыли могилу в дверях дома и чтобы я был погребен стоя в дверях. Так я смогу лучше следить за моим хозяйством».

После этого Храпп умер. Было сделано все, как он сказал, так как жена не осмелилась сделать иначе. Но если с ним худо было иметь дело, когда он был жив, то еще хуже стало, когда он был мертв, потому что он часто вставал из могилы. Рассказывают, что он убил большинство своих домочадцев во время своих появлений. Он причинял много беспокойства и большинству из тех, кто жил по соседству, и Храппсстадир опустел» [22].

Чтобы избавиться от драуга, людям приходится выкопать его тело и перезахоронить по всем правилам: в отдаленном месте, подальше от жилых мест. Как только мертвеца заставляют подчиниться естественным законам, сила его убывает, и призрак почти перестает появляться.